

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-247-250

© Н. Д. Кочеткова

ПУТЬ КАРАМЗИНА-ПИСАТЕЛЯ К ИСТОРИИ*

Автор рецензируемой книги, Михаил Борисович Свердлов, — известный историк, давно и плодотворно изучающий исторические труды русских писателей XVIII века: ему принадлежит монография «М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России» (СПб., 2011), статьи об исторических интересах и разысканиях А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, Екатерины II, Ф. А. Эмина. Предшествовавшие разыскания во многом стали основой для обращения исследователя к деятельности Н. М. Карамзина.

В 2016 году в связи с широко отмечающимся юбилеем писателя в разных городах России и за рубежом прошли многочисленные научные конференции, были организованы выставки, появилось значительное число научных сборников и отдельных публикаций.¹ Хотя некоторые сборники объединяли статьи очень разных специалистов, при этом было заметно разграничение интересов филологов и историков. Книга М. Б. Свердлова в этом отношении занимает особое место: она интересна и полезна исследователям широкого круга. Здесь рассматривается весь творческий путь Карамзина в контексте его биографии, общественно-политических и культурных событий в России и в Европе. Как литературные, так и исторические сочинения писателя анализируются в их взаимосвязанности, с учетом общей эволюции его взглядов.

Привлекая новейшие исследования современных историков, автор книги выделяет наиболее существенные аспекты при характеристике отдельных периодов в истории России второй половины XVIII — первой четверти XIX столетия. Заслуживает внимания, в частности, новый взгляд на правление Петра III и его реформы; выделение просветительских тенденций в правлении Екатерины II (в особенности ее веротерпимость); подробный историографический анализ манифеста Павла I об учреждении дворянского гербовника; разграничение разных этапов царствования Александра I. Обобщая результаты трудов ведущих современных ученых, М. Б. Свердлов прослеживает развитие не только исторической науки, но и гражданского самосознания в русском обществе, представлений о чести и достоинстве, философской и художественной мысли. Неод-

нократно речь идет о проникновении идей сентиментализма и романтизма в самые разные сферы культуры и гуманитарной науки.

Все это служит тем необходимым фоном, который позволяет более глубоко представить формирование таланта Карамзина и как писателя, и как историка. Исследование построено в соответствии с хронологической канвой его жизни и деятельности: после первой главы «Детство и юность» следует пространная вторая глава «Н. М. Карамзин в 1786–1803 гг. Становление историка», затем третья глава «Н. М. Карамзин в 1804–1815 гг. Первые восемь томов „Истории государства Российского“», наконец, последняя третья глава «Н. М. Карамзин в 1816–1826 гг. Тома девятый–двенадцатый» и краткое «Заключение». В разделе «Литература» представлена обширная библиография, включающая издания текстов и исследования как историков, так и литературоведов. Жаль, что в эту библиографию не включены работы таких историков русской литературы, как В. Э. Вацуро, Л. А. Сапченко, Х. Роте, Э. Кросс.² Вместе с тем Карамзину посвящено так много трудов, что автор книги был вынужден строго отбирать наиболее тесно связанные с его темой.

В биографии и литературном творчестве Карамзина постоянно выделяется то, что имеет непосредственное отношение к его дальнейшей деятельности историографа. Отмечается, что в круг его чтения уже в детстве входит не только русская и европейская беллетристика, но и «Римская история» Ш. Роллена. Говоря о сближении юного Карамзина с московскими масонами, М. Б. Свердлов показывает, что мистицизм оказался ему чужд. В доказательство приводится малоизвестная запись писателя на экземпляре книги «Ephemeriden der gesammten Freimaurerei in Deutschland» (Алтона, 1785), хранящейся в Российской национальной библиотеке: «Sic transit Gloria mundi». Однако нравственное влияние Н. И. Новикова и его ближайших соратников было очень существенно на протяжении всей дальзиеднократно говорится о том, как зна-

* Свердлов М. Б. История России в трудах Н. М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

¹ См.: Соловьев А. Ю. Международная научная конференция «Карамзин — писатель. К 250-летию со дня рождения» // Русская литература. 2017. № 2. С. 242.

² Вацуро В. Э. «Подвиг честного человека» // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1971. С. 32–113; Карамзин: pro et contra. Личность и творчество Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Л. А. Сапченко. СПб., 2006; Rothe H. N. M. Karamins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Berlin; Zürich, 1968; Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of his Literary Career (1783–1803). London; Amsterdam, 1971.

чителен для него оказался опыт Новикова-издателя, особенно издателя «Древней российской вивлиофики». Говоря о гуманистических принципах Карамзина, М. Б. Свердлов упоминает о ходатайстве историографа о семье Новикова в 1818 году. Важно было бы напомнить и о смелом выступлении Карамзина в защиту Новикова и его сподвижников в стихотворении «К Милости» в 1792 году, сразу после начала их преследований со стороны Екатерины II.

Подробно и глубоко рассмотрена работа писателя над «Письмами русского путешественника», где в полной мере проявился талант молодого литератора и разнообразие его интересов, включая интерес к истории. Исследователь привлекает богатую научную литературу, посвященную «Письмам» Карамзина (работы В. В. Сиповского, Ф. З. Кануновой, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, И. З. Сермана и др.). Закономерно ставится вопрос о необходимости аналитического подхода к тексту «Писем», создававшихся на протяжении длительного времени и отразивших в разных редакциях эволюцию взглядов писателя. Свердлов обоснованно выделяет два основных этапа работы над «Письмами»: «Первый из них — познание личным опытом уже знакомого по книгам и газетам западного мира природы, людей, их истории и культуры, второй — изложение своих наблюдений и размышлений российскому читателю, находясь в России в конкретных обстоятельствах многомерной международной и российской жизни конца XVIII в.» (с. 79). Автор книги не затрагивает вопроса о степени достоверности «Писем» и присутствия в них художественного вымысла — вопроса, недавно обсуждавшегося с разных сторон современными литературоведами.³ Всё многообразие проблем, связанных с изучением художественного творчества писателя, слишком велико,⁴ поэтому Свердлов закономерно сосредоточивает свое внимание на тех сторонах произведений Карамзина, которые имеют отношение к формированию его исторических взглядов. В «Письмах» исследователь обнаруживает примеры критического анализа фактов истории, стремление проследить причинно-следственную связь событий, опыт сопоставления экономического и социального развития России и Европы. Существенное значение приобретают нравственные оценки отдельных государственных деятелей, осуждение роскоши, а также интерес к жизни самых разных слоев населения. Как отмечает М. Б. Свердлов, идея

внесловной ценности человека, получившая широкое развитие в европейской литературе сентиментализма, по-новому была раскрыта Карамзиным в повести «Бедная Лиза». Можно добавить к этому, что в повестях уже проявился интерес писателя к внутреннему миру человека, стремление постигнуть всю его сложность и противоречивость.

Наконец, в книге обращено внимание на тот факт, что восхищавший современников Карамзина язык «Писем», над которым он тщательно работал при подготовке новых изданий, послужил впоследствии основой при написании «Истории государства Российского».

Интересные соображения высказаны по поводу публикации статьи о Петре III в журнале «Северный зритель» («Le Spectateur du Nord»), авторство которой Ю. М. Лотман приписывал Карамзину. Свердлов поддерживает сомнения Ф. де Бодюс и В. А. Сомова⁵ в принадлежности статьи Карамзину и выдвигает предположение, что автором мог быть французский историк П.-Ш. Левек, который в своей «Истории России» резко отзывался о Екатерине II и сочувственно о Петре III.

Именно в «Письмах русского путешественника» Карамзин критически оценивает труд Левека, а в качестве образцов называет Тацита, Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона. У писателя возникают исторические параллели, которые впоследствии помогают ему при создании портретов русских правителей прошлых лет. Художественный опыт Карамзина впоследствии проявляется и в его работе над «Историей государства Российского». В годы, непосредственно предшествовавшие этой работе (1796–1801), формируется «стиль эпохи» с его идеями предромантизма и романтизма, в частности интересом к национальной самобытности каждой культуры. В этом аспекте в книге рассматривается оценка писателем «Слова о полку Игореве» с учетом результатов исследований таких ученых, как Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов. В «Пантеоне российских авторов», как показывает М. Б. Свердлов, обнаружился интерес Карамзина к воссозданию словесных портретов исторических деятелей прошлого России, его внимание к их личным качествам и характерам.

Закономерно, что особо выделена тема «Карамзин и Муравьев». Публикуя сочинения М. Н. Муравьева в 1810 году, Карамзин включил в издание многие статьи, посвященные вопросам истории и затрагивавшие живо интересовавшие его самого темы, в частности вопрос о единстве мирового исторического процесса и, особенно, о нравственном смысле истории.

Характеризуя «Вестник Европы» Карамзина, автор книги выделяет основные вехи общественной и культурной жизни России в царствование Александра I, постоянно ссылаясь

³ См.: *Panofsky G. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: fiction as facts*. Wiesbaden, 2010; *Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg. Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789)*. Strasbourg, 2011.

⁴ Краткий обзор основных работ о Карамзине за последние десятилетия см.: *Кочеткова Н. Д.* Споры о Карамзине: Итоги и проблемы изучения // Карамзин-писатель. СПб., 2018. С. 11–24.

⁵ См.: *Бодюс Ф. де, Сомов В. А.* Амабль де Бодюс. Monsieur «Le Spectateur du Nord» и его русские знакомства // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 236–287.

при этом на соответствующие документы Свода законов Российской империи, а также привлекаемая архивные материалы. Правомерно обращается внимание на формирование у Карамзина концепции единства нации на основе отечественной культуры и патриотических идей. В связи с этим представляет несомненный интерес сопоставление позиций Карамзина и немецкого философа И. Г. Фихте (1762–1814), стремившегося к объединению Германии и ратовавшего за развитие литературного языка, необходимого для самоидентификации нации.

При всем сходстве их позиций по отношению к этим вопросам выявляется и существенное различие: Карамзин, решительно не приемлющий самоизоляции отечественной культуры, видит путь ее дальнейшего развития во взаимодействии с другими народами.

Третья глава, наиболее обширная, посвящена деятельности Карамзина в 1804–1815 годах — период, когда создавались первые восемь томов «Истории государства Российского». Здесь подробно рассматривается процесс работы историографа; отмечаются его находки новых материалов, позволившие ему делать более взвешенные заключения по сравнению с предшественниками, опыт которых Карамзин постоянно учитывал. В книге прослеживается, как историческая тематика начинает занимать важное место в художественном творчестве писателя и в его публицистике (повесть «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», статья «Исторические воспоминания на пути к Троице» и др.).

Интересен и содержателен раздел «Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский». Ранее М. Б. Свердлов впервые специально анализировал исторические взгляды Сперанского,⁶ а в своей новой книге сопоставил его «Введение к Уложению государственных законов» с «Запиской о древней и новой России» Карамзина. Исследователь пришел к убедительному выводу о том, что историограф был знаком с сочинением Сперанского и полемизировал с ним, непосредственно используя его же текст. Выступая противником реформ, предлагавшихся Сперанским, Карамзин оставался при этом во многих отношениях приверженцем идей Просвещения. Будучи убежденным сторонником монархического правления, он решительно осуждал тиранию, всякое подавление свободной, независимой мысли, недостойное поведение власть имущих. Тиранической, по его убеждению, могла быть и республиканская власть.

Такие взгляды получили отражение и в «Истории государства Российского». Свердлов показывает, как, начиная уже с самых первых томов, Карамзин выступает не только как историк, но и как публицист, нелицеприятно выражающий свое отношение к описываемым событиям и людям. Стремясь к максимальной достоверности, он привлекает многочислен-

ные источники, все доступные ему свидетельства современников, публикует и комментирует тексты договорных грамот, переводит их. Восхищаясь актами мужества и великодушия, проявленных упоминаемыми им историческими лицами, с уважением повествуя о мудрых и справедливых законах, он решительно порицает многих правителей за предательство, корыстолюбие, пренебрежение общими интересами страны. В книге приведены многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что Карамзин не стремился приукрасить прошлое в угоду своему венчальному заказчику — Александру I. Более того, «История государства Российского» содержит своего рода поучение царствующему государю.

Исследование особенно ценно тем, что анализ исторического труда Карамзина идет параллельно с характеристикой общественно-политической жизни в России и вне ее. Описываемые события прошлого постоянно проецируются на современную Карамзину действительность. Так, размышления об опасности олигархии во время правления Елены Глинской (вдовы великого князя Василия III) опосредованно связаны с критическим отношением Карамзина к деятельности Государственного совета при Александре I. Порицая «язык двора и лести» и говоря о «несчастьи видеть соблазн на троне», историограф обращает этот упрек и к своим современникам. Политику Ивана III он одобряет не только за его труды по собиранию русских земель, но и за то, что он не унижал собственный народ, не стремился изменить его «нравственный характер». В этом проявляется критическое отношение Карамзина к политике Петра I, выраженное также в его «Записке о древней и новой России», вызвавшей явное неудовольствие Александра I.

Четвертая глава, посвященная периоду работы Карамзина над последними томами, особенно интересными в литературном отношении, к сожалению, сравнительно невелика по объему. Однако, рассматривая повествование Карамзина о правлении Ивана Грозного, Бориса Годунова и Смутного времени, исследователь вновь демонстрирует, как историк соединяет прошлое и настоящее.

Созданные в «Истории государства Российского» яркие портреты этих государей соотнесены с распространенным в европейской литературе мотивом «злодея на троне». Карамзину удается представить подкрепленные документальными свидетельствами образы, восхищавшие читателей многих поколений своей психологической глубиной и достоверностью. Иван Грозный изображен и как искусный полководец, много сделавший для укрепления государства, и как жестокий тиран, погубивший тысячи невинных жертв. Изображение сложного, многогранного характера Годунова стало также одной из художественных удач Карамзина. Отмечая, что историограф целиком принял «антигодуновскую» версию убийства царевича Димитрия, автор книги считает, что в этом проявилось отступление от научного

⁶ См.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XIX веков. СПб., 1996. С. 51–54.

исторического метода, требующего исследовать прошлое «на основании всего комплекса критически изученных исторических источников». Однако здесь же признается большая заслуга Карамзина, который «создавал условия для литературного и публицистического суда над историческим прошлым» (с. 331). Благодаря «Истории государства Российского» появилась гениальная трагедия А. С. Пушкина, а тема «преступления и наказания», тема «больной совести» стала одной из важнейших в творчестве Ф. М. Достоевского.⁷

Определяя общественную позицию Карамзина, исследователь справедливо отмечает его независимость: он не присоединяется ни к правительственной политике, ни к либералам. Осуждая восстание декабристов, он не одобряет и жестокого наказания, постигшего его участников. В связи с этим ценно наблюдение М. Б. Свердлова, отметившего, что текст грамоты Василия Шуйского, приведенный историографом, имел смысл поучения Николаю I. Здесь, в частности, говорилось о том, чтобы «не казнить смертью никого без суда боярского, истинного, законного»; преступника

не лишать имущества, но оставлять женам и детям; «в изветах требовать прямых улик с очей на очи» и наказывать клеветников (с. 336). К этому наблюдению можно добавить также слова Карамзина, сказанные Николаю I и переданные декабристом А. Е. Розеном: «Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!»⁸

В «Заключении», подводя итоги, исследователь четко обозначает основные этапы эволюции взглядов Карамзина: после событий Французской революции он становится решительным противником насильственных переворотов, но и крайний консерватизм остается ему чуждым. Надежды, связанные с воцарением Александра I, со второй половины 1810-х годов сменяются критическим отношением к его политике. Неизменным же остается главное: нравственная основа как литературного творчества, так и исторического изучения прошлого. Карамзин-историограф опирается на свой писательский опыт, развивает и совершенствует художественное мастерство в создании характеров, проникновении в человеческую психологию.

Обилие материала, системный подход к его изучению, глубокое знание эпохи, обращение к проблемам, существенным как для историков, так и для литературоведов, — все это несомненные достоинства книги М. Б. Свердлова, представляющей важную веху в изучении наследия Карамзина.

⁷ Подробнее об этом см. в исследовании С. О. Шмидта, включенном в сопровождающую книгу М. Б. Свердлова библиографию: Шмидт С. О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого <...> / Изд. подг. под наблюдением Д. С. Лихачева и С. О. Шмидта. М., 1988. Кн. 4. С. 28–43. См. также: Сапченко Л. А. Н. М. Карамзин: Судьба наследия (Век XIX). Ульяновск, 2003.

⁸ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907. С. 112.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-250-252

© А. Д. Степанов

ЧЕХОВСКИЙ МИР: ЕДИНСТВО ВИДЕНИЯ*

Первые работы Владимира Борисовича Катаева о Чехове появились еще в начале 1960-х годов. С тех пор автор опубликовал семь книг (в том числе одну на английском) и несколько сотен статей, посвященных выбранной раз и навсегда теме — поэтике Чехова. Сейчас В. Б. Катаев возглавляет чеховедение не только по должности (как председатель Чеховской комиссии Совета по мировой культуре РАН), но и по существу: с его именем связано большинство достижений этой отрасли литературоведения за последние десятилетия, в том числе такие проекты, как «Чеховская энциклопедия»

для школьников, полная библиография работ о Чехове за последние полвека, журнал «Чеховский вестник», ряд конференций «Молодые исследователи Чехова» и серия сборников «Чеховиана» (возрождение которой планируется в ближайшее время). Катаев — один из последних ныне здравствующих участников создания Полного собрания сочинений и писем Чехова в 30 томах. Разумеется, ученого такого ранга постоянно приглашают выступать на различных юбилейных собраниях и пленарных заседаниях, где от него ждут широкомасштабных обобщений и напутственных слов о необходимости изучения классики. Однако, как доказывает рецензируемый сборник, куда вошли по большей части доклады, сделанные

* Катаев В. Б. К пониманию Чехова. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.